

18+

Илья Коган

*Завтра
будет другим*

Илья Григорьевич Коган

Завтра будет другим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62856726

ISBN 9785005158628

Аннотация

Эта книга – антиутопия, действие которой происходит в будущем, состоявшемся, если бы немцы в 1941 году взяли Москву. Это история о точке невозврата, решительно меняющей течение Времени. Сатира, романтика, детектив, но прежде всего – это фэнтези о приключениях юноши, которого любовь и здравый смысл приводят к решительному поступку. Он выбирает другое будущее для нас. И кто знает, не живет ли такой же юноша в нашем Времени?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Завтра будет другим

Илья Григорьевич Коган

Редактор Елена Полякова

Редактор Марина Потоцкая

Корректор Анна Николаева

© Илья Григорьевич Коган, 2020

ISBN 978-5-0051-5862-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Марка разбудила тишина. Оглушающая, как колокола на соседнем храме. Он попробовал натянуть на себя обрывки снов. Но они блекли и таяли, блекли и таяли, а их место занимала непривычная пустота просыпания. Что-то в ней было не так. Электронные часы показывали... Ничего они не показывали. Не светился экран телефункена. И не слышалась приятная хрипотца Мудрейшего: « – Доброе утро, дети мои! Ганс-Фридрих Сидоров приветствует и поздравляет вас с новым радостным днем! Чисты ли ваши помыслы, как небо в этот ясный день? И не было ли в ваших снах чего-либо предосудительного? Или просто сомнительного, требующего осмысления Мудрых? Мы всегда готовы помочь и поддержать вас. Помните о счастье жить в нашей благополучной стране!».

Нет. Что-то сегодня было не так. Что-то мешало Марку почувствовать ежеутреннюю сопричастность Великому Единению, готовность раскрыться навстречу благоуханному дыханию Высшего Существа.

– Нет электричества! – понял Марк. – Значит, не будет ни утреннего приветствия, ни морально-политической подпитки, ни душевного трепета при подъеме Государственного Флага. Не будет и энергетической разминки – тренажеры же не работают.

Марк совсем было заскучал, но тут внизу, на кухне, загремела посуда.

– Отец... – подумал было Марк и торопливо соскочил на пол. И тут же застонал от невыносимого осознания реальности. Голову заполнила пустота, в которой бились без выхода два слова: – Отец!.. Мама!..

Не было силы, которая помогла бы ему удержаться на краю обрыва, в которой обрушилась прежняя жизнь... Отец... Мама... Неправда, что время рубцует раны! Никакой оно не лекарь! И никакие дни, часы и минуты не могли пригасить ужас того дня, когда пришла весть о гибели родителей!..

В кухне возился дедушка. Он суетливо дергал какую-то штуковину из какого-то незнакомого аппарата.

– Дед, – спросил Марк, – что за агрегат?

– Примус, – не отвлекаясь, ответил дед. – Источник открытого огня.

От моей бабки остался. Мы еще в Африке на нем готовили... Только вот подзабыл, как запускается...

– А вонища-то! – сморщил нос юноша.

– Керосин, – объяснил дед. – Вот подожди, кончится под землей газ, хошь – не хошь, а вспомним и о керосине, и о примусе... Еще такая штукovina была – керогаз...

– Да никогда в жизни! – возмутился Марк. – Чтобы мудрейшие допустили! Мы живем в государстве всеобщего благоденствия! И оно вечно! Спроси у любого партийца!

– Хм... – обернулся к нему дед. – Ты хорошо запрограммирован... Не придерешься!

– А ты! – возмутился Марк. – Вечно всем недоволен. Дождешься, когда прочтут твои мысли! И не поможет, что ты ветеран!

Дед только отмахнулся. Тонкой иголочкой поковырялся внутри примуса и поднес к нему зажигалку. Живое пламя запело, зажужжало вокруг конфорки.

– Генуг цыпленку! – обрадовался дед и поставил на огонь кофеварку.

– Скажи спасибо, что я не выбросил наши фарады! – веселился дед, крутя педали. Радовался не он один. Улица была забита велосипедистами. Они шныряли между уныло дремавшими элетромерседесами и плотно присевшими на колеса электрогазами.

– Хорошо, что вчера предупредили!

– А я прослушал, – огорчался Марк.

– Как же! Первый министр Мудрейшего объявил по телефункену. Мол, в связи с государственной необходимостью будет на два часа прекращена подача электроэнергии... Просил отнестись с пониманием.

– Вот. С пониманием... А ты говоришь!..

– Подожди!.. – тормознул дед. – Бедро болит...

Он слез с фарада и прислонил его к застывшему посреди улицы штрасенбану. Видно, дала о себе знать рана, получен-

ная в Африканской войне.

– Шпрехают что-то об экспериментах в Институте Времени, – отдышавшись, объяснил дед.

В Татарской слободе было, как всегда, сумрачно и тихо. Даже ребятишки играли во что-то молчаливое.

– Дед, – спросил на ходу Марк, – а почему татар в партию не принимают? Даже образованных и богатых?

– А ты вспомни, на чьей стороне были мусульмане? У нас даже был приказ: в плен не брать!

– Но они же совсем другие! Испокон века в России жили. И в бывшем Союзе. И в нашей Фатерландии!

– Вот мы так и думали, пока они к туземцам не перебежали! И в спину нам стрелять не начали!

– Может, о них плохо заботились? Тепла им не добавляли?

– Мудрейшие их знают! – заключил дед. И радостно воскликнул:

– О! Свет дали!

И, правда, зажглись фонари, засветились рекламы, замигали огни светофоров. Зашуршали колеса мерседесов и газов, застучали по рельсам штрасенбаны.

В Совете ветеранов деда принимали с почетом. А как же – боевой офицер, инвалид войны и почетный ариец.

– Господин Блюм! – подкатился к нему дежурный партиец. – Наконец-то вы нас удостоили! Такая честь!

– Суставы, – оправдывался дед.

– К сожалению, выбора сегодня, практически нет! – тащил их на склад партиец. – Временные трудности...

– Посмотрим... посмотрим... – успокаивал его дед.

Выбора действительно не было. Деду полагался холодильник. Но на подиуме сиротливо жался приземистый недоросток в деревянном корпусе.

– «Фюр махт... э-э... За власть Советов»! – распахнул коричневую дверцу дежурный. – Старинная фирма! Еще с дофатерландовских времен!

– Да у нас же вся кухня белая, – робко вклинился Марк.

– Молодой человек! Решать должен уважаемый дедушка!.. Я могу предложить выбор по каталогу. Поставки будут не сегодня-завтра. То, что выберете, привезем прямо ин ди кюхе. Как только – так сразу!

Дежурный затащил их в бюро и раскрыл перед дедом несколько глянцевого grossбухов.

– Выбирайте! – предложил он. Но в ту же минуту за окном что-то грохнуло. Свет в бюро на мгновение погас, а когда зажегся, был мигающим и тусклым.

– А вег! – скомандовал дед, и они с Марком выскочили на улицу.

Транспорт снова стоял, а люди испуганно вглядывались в небо на краю горизонта. Там поднимался столб зеленого дыма.

– Доигрались! – мрачно предположил ветеран. – Кажись,

Институт Времени дуба дал!..

Все оказалось не так страшно. Как передали по телефонкenu, произошел небольшой хлопок, задымился запасной трансформатор. Но проводимый эксперимент дал ожидаемые результаты. Старики, забегавшие к деду, болтали, будто возле Института крутились десятки санитарных машин. Но кто им верил!

Вечером, отчитываясь перед телефонкеном, Марк честно рассказал о вредных слухах, за что к его баллам было добавлено еще восемь. Только о сомнительных мыслях деда он промолчал – родной человек все-таки.

Ночью ему опять снился отец. Они карабкались на вершину Ай-Петри, а мама призывно махала сверху. Большой черный силуэт на фоне восходящего солнца. – Скорее! – торопила их она. – Чай остынет!

– Вечно она спешит! – ворчал запыхавшийся отец. – Я ей говорил: – не гони так!..

Глава 2

– Ах, мой милый Августин, Августин, Августин! – распевал телефонкен. – С добрым утром, дети мои, граждане нашей благополучной страны!

Марк привычно настроился на волну душевности, излучаемую с экрана. В голосе Мудрейшего звенели колокольчики, пели птицы и звала в неведомую даль полковая труба... И само собой пробуждалось чувство глубокого удовлетворения. И вера, что новый день, как и предыдущие, будет отмечен успехами в производстве и потреблении!

И готовность внести свои баллы в копилку приношений Высшему Существо!

И вот.

– Кхе-кхе... – задрезжал телефонкен. – Ну-с, молодой человек!

Слово и дело!

С экрана на Марка смотрел его партийный наставник Ленья Гоген-Ваген. Ленчик, как фамильярно звал его дед. Они воевали вместе, только Ленчик, в отличие от деда был чистокровным арийцем. И в Национал-коммунистической партии он отвечал за нравственное взросление дедового внука. И еще девятерых недоарийцев.

– Доброе утро, майн юнгер Марк! Готов ли ты вознести молитву Высшему Существо?

– Я исполняю волю Его!

– А чисты ли твои помыслы?

– Я открыт! – сказал Марк.

И натянул на голову шлем правдолюба.

– Какое сегодня число? Сколько тебе лет? Сколько лап у паука? – зачастил Ленчик. Марк едва успевал отвечать. Он знал: главное – расслабиться и ни о чем не думать.

– При какой температуре кипит вода? Кто написал «Фауста»? Сколько дней в году? – продолжал допытываться наставник. – Какого цвета небо в грозу? Что сказал дед о вчерашнем хлопке? Почему скачет мяч? Ты часто опаздываешь в колледж? Ты любишь военные песни? Что тебе снилось ночью? Почему ты не доверяешь татарам?

На экране телефункена мелькали оценки: «правда»... «неправда»... «сомнительно»... И потом – общее заключение: «Готов к шествию Верности!».

– Молодец! – обдали Марка теплом глаза с телефункена. – Ты верный питомец Партии! И у тебя есть все шансы заслужить статус Почетного Арийца!

Марк спешил. Лицеисты должны были собраться на площади Берлинского вокзала. Там уже стоял грузовой мерседес с плакатами и знаменами.

– Держи свой конец! – пригласил его студрабoтник Лялик. И Марк крепко-накрепко вцепился в древко ярко-алого полотнища. «Будущее светло и прекрасно!» понесли они

с другом, вливаясь в строящиеся ряды. Шествие Верности началось.

– Эс лебе!.. Эс лебе!.. Хай живе!.. Виве!.. Да здравствует!..

Возгласы сливались в единый клич, от которого, казалось, расколется небо.

– Ура! – взвивалось еще выше. Выше деревьев, выше крыш, выше прижавшихся к асфальту мерседесов и опустивших свои дуги штрасенбанов.

По городу шло Шествие Верности. Плакаты мерно колебались в такт шагам. «Время, вперед!»... «Оседлаем время!»... «Будь верен Мудрейшему!»... «Наш вождь Ганс-Фридрих Сидоров!»... «Роботы – наши помощники!»... «Заветам Адольфа и Иосифа верны!»... «Разбирай Гегеля и шмайсер!»...

Господи, как все было знакомо! Сколько раз маршировал Марк в этих рядах, выкрикивая привычные и все равно волнующие лозунги! И мысленно повторяя звучащие чистой музыкой призывы Мудрейшего:

« – Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его...»

– Время вперед! – несло над колоннами, над проспектом

Макса Горького, над ликующим городом.

Марку было радостно от чувства единения с тысячами таких же преданных родине молодых людей, от того, что рядом, выкрикивая близкие им всем лозунги, шествовали его друзья-лицеисты. Лялик, Петрик, Енот, Котяра, Толян, Пятак, Шпайер Одногруппники. Единомышленники. Почти арийцы!

Одно отравляло торжество. Приплясывающая на тротуаре кучка отщепенцев. Таких же молодых, но лишенных благоразумия и понимания реальности. Они тоже выкрикивали лозунги. Но какие! «Не трогайте время!»... «Будущее – своими руками!»... «Все люди равны!»...И уж совсем непристойное: «Мудры ли Мудрые?..»...

Сегодня этих недобитков было больше, чем обычно. И что тоже поражало: среди них были девушки. Особенно бесновалась одна — длинноволосая, большеглазая и кого-то неуволимо напоминающая. Она скакала, размахивая портретом Пушкина, и кричала что-то невообразимое. «Мудрейшего на пенсию!» послышалось Марку.

– При чем здесь Пушкин? – подумал он, а друг Лялик закричал:

– Рапунцель!

– Кто это? – пристал к другу Марк.

– Сеструха... Зараза!

– Зараза! – подхватили лицеисты.

Девушка на окрик брата только головой помотала.

Но по тротуару, отесняя тщедушную, кучку уже наступала шеренга Национальных Чекистов, ударяя дубинками в щиты.

Глава 3

На кухне гремела посуда. Раньше кофе всегда варил отец. Но теперь над ним колдовал дед в мамином фартуке.

– Отчитался? – спросил он, подвигая к Марку блюдо с тостами и наливая обалденно пахнущий напиток.

«– Как здорово, – подумал Марк, – что после африканской войны можно пить настоящий кофе!»

Но вслух сказал:

– Ленчик опять беспокоится о тебе...

– Забей на него! – отмахнулся дед. – Какой им вред от старого пердуна!

– Говоришь много. А ешь мало. И половины положенного не съедаешь!

– А они бы еще больше пихали в талоны!

– Смотри! – предупредил Марк. – Дождешься новой клизмы!

Кухонный телефонен передавал утренние новости. Про наступление латиноамериканской армии на рубежи Восточной Империи. Про затяжные бои на островах Полинезии. Про трудовые успехи банановодов свободной Нигерии. Ну и про небольшие трудности в работе Института Времени.

В криминальной хронике рассказали о найденном в доме на Баварском Арбате трупе зверски убитой женщины. Личность погибшей устанавливается.

– А-а! – махнул рукой дед. – Чтоб народ не скучал...

И спросил о том, что его на самом деле занимало:

– Так ты всерьез будешь читать свое сочинение?

– Семинар же, – ответил Марк.

– Ты бы подумал...

– А что? Нам же задали... Отчет о трудовом воспитании на заводе... Сказали: в свободной форме...

– Ну, смотри!.. Уж больно твоя форма свободная!..

Но семинара сегодня не было. Отменили и другие занятия.

Вместо этого студработников выстроили в спортзале и по одному вызывали в кабинет Мудроляйтера. Странно было то, что обратно никто не выходил.

– Пускают на колбасу, – предположил кто-то. Кажется, Шпайер.

– Трахают и спускают в унитаз, – поправил его Петрик.

Марк даже не улыбнулся. Что-то нехорошо было на душе. Стремно, как сказал бы дед.

Марка вызвали одним из последних. На юношу уставились сразу десять пар глаз. Кроме Мудроляйтера на него смотрели человек пять Мудропедов и несколько полицаяев высокого чина. Здесь же был и вездесущий Ленчик Гоген-Ваген. Серьезный-пресерьезный.

– Студработник Блюм! – вонзил в юношу взгляд Ляйтер. – Какие у тебя были отношения с Мудропедом Агилерой?

– Хо... хорошие, – запинаясь, ответил Марк. И тут же поправился:

– Нормальные... Как у всех...

– Она не занижала тебе оценки? Не начисляла отрицательных баллов?

– Не... нет... – пересохшими губами прошептал Марк.

– История – любимый предмет студработника, – вступился за него Ленчик. Но без тени сочувствия.

– Когда ты видел Мудропеда Агилеру в последний раз? – задал свой вопрос один из полицаев.

– Э...э... – замялся Марк. – Давно... Мы же были на трудовом воспитании...

И тут же, набравшись смелости, спросил:

– А что?..

И вдруг вспомнил утреннее сообщение в криминальной хронике. Неужели?..

Ленчик Гоген-Ваген вывел его через заднюю дверь.

– Вот так-то... И не знаешь, где тебя ждет... – угрюмо бормотал он, пока они спускались этажом ниже.

В физическом кабинете дым стоял коромыслом. Студработников допрашивали полицаи в форме и в штатском. Крутились бобины рекордеров, скрипели перья кардиографов, мигали зеленым полицейские правдолюбы. И со всех сторон сыпались вопросы:

– Что тебе не нравится в Фатерландии?

– Ты веришь Мудрейшим?

– Кто твой любимый мудропед?

Студработники соревновались в искренности.

– Я другой такой страны не знаю!.. – уверял всех Флюгер.

– Эс лебе... да здравствуют Ганс-Фридрих Сидоров и его жена Палашка! – твердил Шпайер.

– Обалдеваю от физика! – объяснялся Юбочник – Нигматулин.

– Я-то ее любил, она меня не любила, – признавался Мурнев.

– Не виноватая я! – дурашливо выкрикивал Петрик.

Марка подвели к столу, где снимали отпечатки пальцев.

Он сразу

ухитрился перепачкать краской обе ладони.

– Надо же!.. – бормотал рядом Ленчик. – Отродясь такого не было!.. Чтобы мудропедов убивали! Да так зверски!..

– Это кто-то из своих! – сказала женщина-полицай, снимавшая отпечатки. – Дверь не взломана, замки целы... Она б чужим не открыла!

– Неужто?..

Ленчик с тоской посмотрел на Марка. Он же отвечал перед партией за каждого из доверенных недоарийцев.

– А, Марк?..

Марк молчал. Он старался унять дрожь перемазанных краской пальцев и не поднимать глаз, в которых плескался ужас. «Агилеру убили!.. Задушили, а потом исполосова-

ли ножом!..». Это выбивалось из сознания, делало секунды лишними, не настоящими, не нужными сейчас.

– Задушили и исполосовали ножом! – чуть ли не с восторгом делился с друзьями Пятак.

– Чему ты радуешься! – урезонивал его Енот. – Мы же первые, на кого будут думать!

– Затаскают! – соглашался с ним Флюгер.

– А почему именно нас? – не понимал Лялик.

– А ты спроси у него! – кивнул на Марка Енот. – Он же у нее дома чаще, чем в лицее, бывал.

Студработники кучковались во дворе лицея, приходя в себя после неожиданного следствия.

– Разберутся! – уверенно сказал Марк. – У нас лучшая в мире Служба безопасности!

– Ну, Марка понесло! – съехидничал Енот. – Он же у нас поцреот!

– А ты разве не любишь свою страну? – вскипел юноша. – Или у тебя другая Фатерландия есть?

– Да ладно вам! – успокаивал друзей Нигматулин. – надо держаться вместе!

– Как же! – не мог успокоиться Енот. – Он спит и видит, как бы арийцем стать! Почетным!..

– А ты больше говори!

– Говори-не говори, мудролюб все равно каждую мыслишку прочтет. Самую завалящую!

– Подмудрашки умеют втирать ему мозги, – вмешался молчавший до этого Рогач. – Говорят, голова должна быть забита всякой мурой. Под самый мозжечок!

– Да уж, – примирительно сказал Марк. – Подмудрашкам есть что терять. Один шаг до мудрейших.

– Нам это не грозит! – подвел итог Енот. И все разошлись по домам.

Дома дед сотрясал кухню вздохами.

– Подумать только! – сокрушался он. – Твою любимую училку!...

– Мудропеда... – поправлял его Марк.

– И у кого только рука поднялась!.. Форменный садист! Нам бы его на пару часов в Африку!

– А что твой друг Ленчик говорит?

– А что он может сказать? Думает, это кто-то из своих...

Так что поаккуратней с ним!..

Марк и сам понимал, что это не тот случай, когда надо раскрываться до конца. Другое дело, что он не привык, да и не умел прятать что-нибудь от наставника. Стоило тому появиться на экране телефункена и проникновенно заглянуть в глаза. До самого донца. Как умел только он. И самые потаенные мысли ложились прямо в его ладонь.

Так и в этот вечер. Ленчик не успел и рта раскрыть, а Марк уже торопливо отвечал на не заданные вопросы:

– Я раньше бывал у мудропеда Агилеры. Часто... Она да-

вала материал для курсовой. Ну, и вообще...

– Что «вообще»?

– Она мне нравилась. Очень...

– А кому еще она нравилась?

– Ну... многим...

– Говори правду! Ничего, кроме правды! – настаивал Ленчик. – Кто у нее бывал, кроме тебя?

« – Молчи! – шептал Марку разум. – ...лчи-лчи-лчи! – откликалось послушное эхо в отуманенной голове. Но язык непослушно талдычил:

– Ну... Лялик... Локшин то есть... Петрик... Черняев который... Он же художник... И еще Шпайер... Стихи сочиняет... Она таких любила...

Марк ждал, что наставник потребует подробностей, но Ленчику, видно, хватило и этого. На первый раз...

Этой ночью Марку снова снился отец. Они опять карабкались к вершине Ай-Петри, а мама призывно махала сверху. Большой черный силуэт на фоне восходящего солнца. – Скорее! – торопила их она. —

Чай остынет!

– Вечно она спешит! – ворчал запыхавшийся отец. – Я ей говорил: – не гони так!..

А мама почему-то вздыхала и задумчиво вертела в руках что-то невнятное. «Кортик! – догадался Марк. – Морской кортик!».

Глава 4

– Встать! Смотреть в глаза! Признаваться!

Детектив, прихрамывая, ходил по кругу, старательно обходя белый контур на полу. Это был меловой силуэт убитой Агилеры. Через каждые три шага детектив останавливался против оробевшего студработника и упирался пальцем в его впалую грудь.

– Облегчи душу! Чистосердечно!

А потом снова шагал, чуть слышно напевая:

– *Буря мглою небо кроет,*

Вихри снежные крутя...

Или вдруг резко тормозил и упирался пальцем в грудь Марка.

– Ну, колись, колись! – почти ласково приговаривал он.

И снова принимался мурлыкать:

– *То ли бурей завываньем*

Ты, мой друг, утомлена...

В комнату Агилеры Марка привел Ленчик Гоген-Ваген.

– Побеседуешь кое с кем! – многозначительно пообещал он.

Кроме Марка, в комнате, словно пришибленные, сутулились Лялик-Локшин, Петрик-Черняев и Шпайер-просто Шпайер. Все, кого вчера вечером назвал Марк. «Ничего страшного! – успокаивал он себя. – Не я, так кто-нибудь дру-

гой! Все равно узнали бы!».

Беседовал с ними пожилой детектив. Детектива звали непонятным именем Мисвандерроэ. Он сам так представился, на что художественно грамотный Петрик-Черняев спросил:

– Это вы из того рода, который «стеклянный дом»?

– Из детского дома я! – добродушно ответил детектив, сделав ударение на слове «детского». – Когда удостоверение оформляли, назвали меня в честь немецко-русского единства. А брата Степана обозвали Кафкой Фрейдом. И ничего – жизнь прожили. Имен не замарали!..

Разговаривал детектив добродушно. Но смотрел цепко.

– Вы же понимаете, – втолковывал он, – что убил кто-то из вас. Из тех, кто был вхож к мудропеду. И кому она доверяла... И убил зверски.

Сначала придушил, а потом исколол всю каким-то режущим орудием...

« – Кортик!» – вспомнил Марк ночной сон. И посмотрел на стену над кроватью, где раньше висел офицерский кортик в красивых ножнах. Теперь там ничего не было...

– А чему это она вас на дому учила? – допрашивал между тем детектив Мисвандерроэ. – Чему такому, чего в классе нельзя было выговорить?..

– А, впрочем!.. – махнул он рукой. – Пусть этим ваши мудропеды занимаются. Мое дело – найти убийцу! И уж поверьте, он от меня не уйдет!

– Ни сном, ни духом! – чуть не бил себя в грудь Шпайер. – Я и правдолюбу так сказал!

– Вы не правдолюбов бойтесь, а меня! – погрозил пальцем детектив Мисвандерроэ. – И своей совести!

Марк согласно кивал головой. Он понимал, что детектив прав и что убийцу надо искать среди своих. Но это никак не укладывалось в голове. «Свои» это же свои. Те, с кем он рос, каждого знал, как самого себя.

А знал ли он самого себя? Марк понимал, что, пока убийца не найден, он такой же подозреваемый, как любой из его друзей. И хотя в самом страшном сне не мог представить себя в роли злодея-садиста, чувство вины не оставляло его: слишком сильно было в нем ощущения своей группы как единого организма.

– Свободны! – отпустил их детектив. – Пока...

Марк выходил последним.

– А там всю жизнь висел кортик! – показал он на ковер над кроватью. – А теперь пусто...

Мисвандерроэ внимательно посмотрел на ковер и на Марка.

– Комунибудь говорил?

Марк отрицательно помахал головой.

– Вот и молчи!

Глава 5

Мудропеда Агилеру хоронили через день. Сначала было отпевание в лицее. Закрытый гроб стоял в актовом зале. Под портретом в черной раме квартет студработников играл положенную для таких церемоний музыку.

– Господи! – думал Марк. – Какая же она красивая! И добрая!.. Была...

Он все еще не мог принять ее смерть. Да еще эта музыка... Стыдно было плакать на людях. А стряхивать слезы было еще стыднее. Но, странное дело, когда он все же поднял глаза, то увидел, что мокрые лица у всей гоп-компании. У Лялика. И у Пятака. И у Рогача. У Флюгера-Агишева. И даже у Енота.

– А они-то здесь при чем? – подумал он. И заставил себя сосредоточиться на словах Мудроляйтера.

– ...являла собой пример государственного подхода к воспитанию убежденных патриотов Фатерландии. Ее Хрестоматия по отечественной истории получила одобрение самого Совета Мудрейших. Она вводила нас к истокам цивилизации, показывала, как деяния Благородных мужей – Карла Великого, Чингиза, Петра, Наполеона, а также новых святых Иосифа и Адольфа – способствовали рождению единой евроазиатской расы.

Он бы еще вещал, если бы вдруг откуда-то из дальних ря-

дов не раздался крик:

– Найдите убийцу!

И тотчас же крик подхватили в разных концах зала.

– Найдите убийцу! Найдите убийцу! – скандировали студенты. Мудроляйтер зашептал что-то стоящим ниже мудропедам. Шепоток-указание заструился к рядам выпускных групп. И оттуда – сначала нестройно, а потом слаженной и слаженной, громче, громче и одушевленное – потекли звуки национального гимна:

Пари над миром наша песня,

Зови живых на труд и бой!

И вейся, вейся всех чудесней,

Флаг Фатерландии родной!

Скоро пел весь зал. И Марк вместе со всеми. И даже громче и одушевленное всех. Это была песня его детства и юности. Она будила его по утрам и задавала настроение на весь день. Она согревала его чувством причастности к поколениям предков и укрепляла веру в прекрасное будущее страны, которое он будет строить вместе с миллионами соотечественников.

Нам нет преград на суше и на море!

Гордимся мы отечеством своим,

Друзьям на радость и врагам на горе

Мы победим! Мы победим! Мы победим!

Гимн еще не кончился, а утилизаторы уже погружали гроб на свою тележку. Мудропед Агилера не имела воинского зва-

ния, и ей не полагался артиллерийский лафет.

– Ребята, а поедem ко мне! – предложил вдруг застенчивый обычно Лялик. – Помянем мудропеда!

– У тебя что, на всех места хватит? – засомневался Енот.

– Потеснимся! – успокоил его Лялик.

Места на всех хватило уже в мерседесе-лимузине.

– Однако не хило! – удивился Пятак. – Если у тебя и все остальное такое!..

– Скромное обаяние буржуазии! – как-то само собой вырвалось у Марка.

Дом Лялика стоял на Соколиной горе. Собственно, домом он называл его только из застенчивости. Это был трехэтажный особняк посреди ухоженного парка.

– Ну, ты даешь! – восхищенно бормотал Мурнев, поднимаясь по мраморным ступеням

– Это ж не мое! – смущенно оправдывался Лялик. – Отец строил...

Отец встречал их в дверях зала-не зала, но, вообще-то, и не комнаты.

– Кириллов! – коротко представился он, пожимая руку первому из друзей.

– Энтин! – волей-неволей так же коротко отрапортовал тот.

– Енот! – перевел на лицейский язык Лялик.

Так они и подходили один за другим.

– Кириллов! – говорил каждому хозяин.

– Рожицкий!.. Волоцкий!.. Соколов! – отвечали лицеисты.

А переводчик пояснял:

– Рогач... Флюгер... Толян...

И вдруг, пожимая руку Черняеву, Кириллов сам назвал его лицейское прозвище:

– Петрик!

И потом выдал такое же Шпайеру и Мурневу:

– Пятак!.. Котян!..

А услышав фамилию Марка, только вздохнул:

– Блюм... Сын Седова...

Еще раз сжал его ладонь и прошептал:

– Знал... Знал...

Но тут же встрепенулся и позвал:

– Мария!

Из темного угла выступила женщина. Немолодая и не старая, но очень хозяйского вида.

– Экономка! – подумал Марк. Он знал, что в богатых домах есть такие. Но у скромника Лялика!. Вот бы не подумал... Но долго удивляться Мария не позволила.

– Мойте руки! И за стол! – скомандовала она.

Стол был уже накрыт.

– Ого-го! – не смог удержаться Мурнев. – Да тут на каждого по тридцать баллов!

– Вино «Мускат», объявил хозяин. – Вы ведь такое любите!

те?..

«Да он про нас все знает! – подумал Марк. – Ай да Лялик!»

– Дочь! – позвал Кириллов. И из-за большого кресла выскользнула девушка.

– С ума сойти! – чуть не закричал Марк. Это была та самая Рапунцель, длинноволосая и большеглазая, что бесновалась в толпе отщепенцев во время Шествия Верности. Вот почему лицо ее показалось ему знакомым. Копия брата, только стройнее и со всем, что положено.

– Добрый день, полукровки! – пропела она, усаживаясь рядом с Ляликом.

– Дина!.. – одернул ее отец. И взял в руки бокал.

– День-то совсем и не добрый. Ушел человек, а вместе с ним часть каждого из нас. Как сказано в одной старой-престарой книге, «Смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе»... Надеюсь, со временем вы поймете смысл этих слов. И научитесь ценить чужую жизнь, как свою собственную... А сейчас молча помянем Жанну. Пусть ей будет хорошо там, где она сейчас!

– Я и не знала, что ее звали Жанной, – после недолгой тишины сказала девушка Дина. – Агилера и Агилера...

– Ее имя знали только те, кто бывал у нее дома, – стал объяснять Марк. Но, испугавшись, что может сболтнуть лишнее, тут же перебил себя традиционным тостом:

– За здоровье Мудрейшего!

– Эс лебе!.. Эс лебе!.. – загомонили за столом. – Да здравствует дорогой Ганс-Фридрих Сидоров!

Одна девушка Дина странно посмотрела на Марка.

– Патриот?.. – прошелестела она. – Это что, болезнь?

– Дина! – так же шепотом оборвал ее отец.

– А она симпатичная! – с сожалением подумал Марк.

– Слушай? – пристал Энтин-Енот к Лялику, когда тот провозжал их. – А кто он, твой отец?

– Кириллов! – одним словом ответил Лялик.

– А что такое Кириллов?

– Ну... Газета «Тагес-день»... Журнал «Умное слово»...

– Ого!

– Ну... Еще концерн «Газ Сибири»... И авиакомпания «Шнель»...

– Шутишь!..

– А почему же ты Локшин, а не Кириллов? – спросил Рожицкий-Рогач.

– Будто не знаешь! Нам же велено носить фамилию еврейской половинки. Мама у меня Локшина.

Глава 6

– Вас ждет работа!

– Вас ждет работа!

– Вас ждет работа!

Металлический голос разносится из квадратных ящиков громкоговорителей. В его властном тоне нет ничего человеческого. он не груб, но настойчив.

Повинуясь ему, из бетонных домов парами и поодиночке выходят люди. они собираются в центре площади, строятся, равняют ряды – все это без единого слова под мерный счет громкоговорителей.

– Семь часов сорок одна минута!..

– Семь часов сорок две минуты!..

Лялик-Локшин читал с «выражением». Марк слушал и орлом оглядывал притихший класс. Это же была его идея. Откуда она явилась, он и представить не мог. Явилась и явилась... А потом он заразил ею своих друзей. И кто-то с готовностью подхватил ее, кто-то со скрипом согласился, а кто-то с ехидной улыбкой сказал: – Ну, ну...

– Ну, ну... – прошелестел мудропед Рихтер, когда Марк объявил «Групповой отчет от Трудовом воспитании!».

– Оповестите!..

– Люди одеты одинаково: серые брюки, серые куртки, се-

рые береты.

Движения их скупы и однообразны. На лицах – стандартное выражение сытости и физического здоровья.

– Семь часов сорок три минуты!..

Люди терпеливо ожидают отстающих. Никто никого не торопит, все делается само собой, привычно и споро.

– Семь часов сорок четыре минуты!..

Лялик-Локшин был из тех, кто принял идею на «ура». Он, вообще, любил все, что выходило за рамки. Поэтому и читал, как полагалось – «металлическим» голосом.

А вот Енот-Энтин не был в восторге от затеи Марка. Но от друзей отставать не хотел. И даже внес в свою часть придуманную им «живинку»:

– В числе последних на площадь вбегают пара, к которой следует присмотреться.

Это мужчина и женщина. Одинаковая одежда, одинаковая штампованная округлость лиц и приглаженность фигур делают разницу в поле неразличимой. Но движения их несколько выпадают из механического единообразия собравшихся. В глазах у них тень какой-то неуравновешенности, они смотрят живее и беспокойнее.

– Семь часов сорок пять минут!..

Словно по команде, люди поворачиваются направо и ровным спортивным шагом покидают площадь.

Они идут по широкой асфальтированной улице. Они про-

ходят мимо серых бетонных домиков, в скучной симметрии расставленных слева и справа от дороги.

Домики одинаковы по стилю и цвету, по мертвенной тишине и пустынности их гладких асфальтированных дворов.

– Семь часов сорок семь минут!..

Марк оглядел класс. Все слушали. В тишине раздавался только скрип федерхалтера. Мудропед Рихтер старательно записывал что-то. Енот-Энтин провел языком по пересохшим губам и продолжал:

– Люди шагают бодро. Они смотрят в затылок вперед идущим, и только знакомая нам пара изредка обменивается взглядами, в которых теплится что-то иное, кроме многолетней привычки друг к другу.

– Семь часов пятьдесят две минуты!..

*Люди подходят к огромному бетонному зданию без окон. Спокойно, не нарушая строя, они попарно входят в широкие двери, над которыми белыми металлическими буквами написано: **Завод «Новая Америка».***

Очередь дошла до Рогача-Рожницкого. И тот продолжил чтение:

– Голые стены серого цвета окружают людей в просторном вестибюле. Спрятанные светильники льют ровный бес-теневого свет. Никакой мебели. Только турникет у выхода,

да сверкающий хромом и никелем робот-контролер.

Вращается турникет, пропуская людей. Мигая электронными глазами, робот бесстрастно вещает:

– В механический цех!

– В механический цех!

– В механический цех!

– На главный конвейер!

– На главный конвейер!

Вдруг робот замолкает. Он в явном замешательстве. Перед турникетом примеченная нами пара. Что-то, не укладывающееся в привычные алгоритмы электронного мозга, проскальзывает в их поведении.

Они стоят недозволенно близко друг к другу, руки их соприкасаются, и кажется... да-да, их поведение выдает скрытое желание пройти вместе.

Робот снова на высоте.

– В механический цех! – равнодушно приказывает он.

Поворачивается турникет. Повинуясь приказу, проходит женщина.

– На главный конвейер!

Турникет пропускает мужчину.

С чувством, похожим на сожаление, они прощаются кивком головы и расходятся: он – налево, она – направо.

– Стоп! – оборвал чтение мудропед Рихтер. – Это что – отчет о трудовом воспитании?..

В его голосе зазвенел металл.

– Где вы видели такой город? И такой завод?

– Там же написано: «Америка»! – выскочил Лялик.

– Локшин! Вы не на Шествии!

– Нет, правда... – залепетал Марк. – Это же фантазия!

Свободный полет, так сказать... А на самом деле и завод, и ферма нам очень понравились!

– Шумел, как улей, родной завод... – пропел хулиган Мурнев.

– Смотрите! – предупредил мудропед. – Как бы свободный полет фантазии не привел вас в урановые рудники!

– Да мы же хотели как лучше! – продолжал оправдываться Марк. – Чтобы у нас так не было! И потом дальше не все так уныло...

– Короче! – оборвал его Рихтер. – Забудьте и никому не показывайте! А через неделю представьте мне нормальный отчет! И о заводе, и о ферме. Как у всех!

Во дворе лица одноклассники никак не могли придти к согласию.

– И чего он взъелся? – недоумевал Лялик-Локшин. – Забавно же!

– А ты чего ждал? – охлаждал его пыл Енот-Энтин. – Оваций?

– Теперь жди! – пророчил Рогач-Рожицкий – Как пить дать, у всей группы баллы срежут!

– И когда! Перед самым выпуском! – сокрушался Петрик-Черняев.

– Кто это придумал? – приставал ко всем Шпайер. – Это каким же козлом надо быть!

– Я же говорил: не выпендривайтесь! – выступал Котяра-Мурнев. – Умнее всех хотите быть!

И это Марку было уж совсем неприятно. И неожиданно. Ведь этот Котяра ему, можно сказать, в рот заглядывал. Каждое слово принимал как команду. И вот тебе!..

Марк был не просто расстроен. Он чувствовал себя виноватым, хотя и не очень понимал в чем. Он ведь, и правда, дал волю фантазии. В родной Фатерландии не было и не могло быть ничего подобного. Хотя... Он вспоминал свое впечатление от первого дня трудового воспитания...

Трамваи подходили один за другим. Они выплескивали из своих распаренных недр мятых расплющенных давкой мужчин в одинаковых серых костюмах. Шаркая ногами, они нестройно вливались в переулок, конец которого закрывала казенная надпись: **«Станкостроительный завод имени Г. Ф. Сидорова»**.

И потом... Это засилие роботов. Люди казались маленькими и лишними среди поступательного движения и кружения механических рук...

Это удивляло и пугало. И Марку хотелось защитить человека от опасного, как казалось ему, подчинения возможным хозяевам мира.

– Слушай! – отозвал его на другой день Лялик. – Я рассказал отцу о нашем сочинении. Он хочет послушать. Да и ребятам не мешает узнать, чем все кончается...

– Ты что! – забоялся Марк. – Рихтер же с потрохами съест! Я все свои баллы потеряю! А то и хуже!..

– Не дрейфь! Будут только свои. И ни одна собака...

На этот раз угощали только чаем. Правда, с вкусными пирогами. Хозяйничала за столом девушка Дина. Она же Рапунцель.

– Ну-ка, ну-ка! – сказал Кириллов, устраиваясь в кресле. – Послушаем наших юных прозаиков!..

– И Шехерезада повела дозволенные речи... – съехидничал Енот.

Марк только отмахнулся. И кивнул головой Лялику: начинай, мол!.. Читал тот спокойнее, чем в классе. Даже с некоторым выражением. Но скоро хозяин прервал его.

– Не возражаешь, если я включу рекордер? Для памяти.

Марка это не сильно обрадовало. Но разве возразишь?

Лялик начал по новой. И читал с еще большим выражением. Ребята слушали, а хозяин кивал головой, то ли одобряя, то ли просто в такт голосу.

Марк слушал, и в голове его возникали не раз как бы вживую виденные картины.

...Серые лица над серым конвейером.

...Механические движения рук.

...Робот в центре зала и его мигающие глаза.

А потом – обеденный перерыв. В большом зале без окон за длинными столами сидят серые люди. Такие же люди в сером бесшумно снуют по залу, разнося подносы с едой.

А потом – снова работа, и конец смены, и назначенные развлечения.

...Наша пара следит за поединком боксеров.

...И слушает работа-лектора на бетонных скамейках амфитеатра.

А потом...

Потом пришла очередь Марка. И он стал читать то, ради чего, честно говоря, он все это и затеял:

– Он давно уже мешает им сосредоточиться. Он отвлекает – этот негромкий протяжный звук. Есть в нем что-то беспокойное, что-то непонятное, но властно требующее внимания. Он сжимает сердце и холодит голову. Что это?

Звук ближе. Еще ближе. Он плывет уже где-то рядом – над амфитеатром. И люди поднимаются в тревоге и с беспокойством озираются в поисках его источника.

Но дороге идет человек в белой рубашке. Он играет на трубе и ветер ласково перебирает его светлые волосы.

Человек играет на трубе. Труба горит в лучах солнца, пылает металлическим пламенем и поет. Поет протяжную бесконечную мелодию со множеством вариаций.

Труба поет о Человеке. О его красоте, о его руках, шер-

шавых и ласковых.

Труба поет о солнце. О ночи. О шелесте ветра в дикой траве. О каплях росы на собачьей шерсти.

Труба поет о Боге, которого нет. О людях, которые не придут.

Труба поет о Женщине. О Матери. О губах, не целованных никогда. О постели, никем не смятой. О детях. О горячем огне очага.

Труба поет о Любви Человека. О его Надежде. О жизни и Смерти...

Человек играет на трубе. Он идет по дороге, играет на трубе, и серые люди, как замороженные идут за ним следом. Что-то тает у них в душе – словно льдинки ломаются и с тихим звоном падают из глаз.

Люди послушно идут за трубачом.

Человек с трубой проходит мимо стадиона. Застывает толпа на трибунах, все головы поворачиваются в его сторону. И вот уже пустеют трибуны.

Человек идет по дороге и играет на трубе. А за ним идут болельщики. За ним идут игроки, еще не остывшие, еще в спортивной одежде. Зачарованными глазами следят они за игрой солнечных лучей на белом металле трубы и слушают, слушают ее невыразимую песню.

Человек идет мимо ринга. Идет и играет. И зрители поворачиваются спиной к рингу. И идут за трубачом. А за ними идут и боксеры. И только робот, глупый робот о морга-

ющими глазами остается на месте.

Человек в белой рубашке идет по серой бетонной дороге. Он играет на трубе, и его мелодия влечет за собой взволнованную толпу. Мелодия зовет, мелодия манит уйти куда-то далеко-далеко, сделать что-то необычное, оказать что-то несказанное.

Слов нет. Они почти забыты – эти нужные сейчас слова. Но есть глаза, есть руки. И люди смотрят в глаза другу другу. Люди берутся за руки. Люди слушают. Люди молчат. Но это молчание теплого вечера, молчание прозрачного воздуха, молчание дружеской улыбки.

Человек играет на трубе.

Человек с трубой идет и идет по дороге, и толпа постепенно отстает. Только наша пара еще долго идет за ним следом.

Гаснет звук трубы. Очень медленно, очень неохотно затихает ее песня, растворяется в серых сумерках наступающего вечера.

Долго стоит толпа и смотрит вслед трубачу, притихшая от пережитого волнения. Наконец кто-то нарушает молчание, и мы впервые слышим человеческий голос – голос этих людей»

– Что это было?..

Нет рядом робота, чтобы молниеносно ответить на вопрос, поэтому приходится думать, приходится мучительно вспоминать.

– Это, наверное, музыка... – предполагает один из толпы.

– Да-да, я слышал об этом, – подхватывает другой. –

И человека этого я знаю. Он нездоров. Ему кажется, что он живет в XX веке...

– Почему же его не лечат?

– Его лечили. Но вот... Трудный случай...

К толпе подходит, держась за руки наша пара. И он, и она хотят что-то сказать, что-то важное, нужно, но... Их язык не приспособлен к выражению сложных чувств, и они просто долго, грустно смотрят в глаза людям.

Так и стоят они все – до тех пор, пока издали не доносится резкий голос робота:

– Вам пора спать!

– Вам. пора спать!

Марк перевернул последний лист.

– Впечатляет! – вынес свой приговор Кириллов.

А девушка Дина посмотрела на Марка совсем другими глазами.

– Да ты просто граф Толстой! – сказала она.

Глава 7

– Вы мне голову не дурите! – кричал мудроляйтер, пома- хивая пальцем перед лицом. – Я не позволю этим бредом ко- лебать устои!

Он хлопнул кулаком по лежащему на столе карманному рекордеру.

– Здесь никакая не Америка! Это гнусный поклеп на нашу действительность! И очернение курса на сплошную роботизи- зацию, провозглашенному Партией!

«Интересно, думал Марк, у кого же в кармане был рекор- дер? Не Кириллов же передал его в лицей!.. Кто? Кто?.. Ля- лик? Котяра? Енот?..»

– И нечего ссылаться на фантазию! – обернулся Мудро- ляйтер к мудропеду Рихтеру. – Это злостная провокация!

– Происки британской разведки! – поддержал его кто-то из мудропедов.

– Вызов самому Мудрейшему! – поддержал его другой.

– Колебание устоев!

– Как они будут смотреть в лицо телефонкenu!

– Вон из лица!

И только мудропед Рихтер бормотал что-то о памяти отца, о деде – Почетном Арийце.

– Вы мне голову не дурите! – оборвал его мудроляйтер. – Надо еще разобраться, кто покрывал это возмутительное

безобразиие!

– Вон из лица! – теперь уже требовали все.

– Все в свое время! – вдруг охладил их пыл мудроляй-тер. – А сейчас категорически запрещаю студработнику Блюму и его подельникам участвовать в завтрашнем Шествии Верности!

– Свободны! – отпустил он друзей. Но добавил: – Пока...

– Эс лебе!.. Эс лебе!.. Хай живе!.. Виве!.. Да здравствует!..

По городу шло Шествие Верности. «Из плена времени!»... «Шагнем в будущее!»... «Свобода – осознанная необходимость!»... «Слава Мудрым!»... – мелькало на плакатах.

Господи, как все было недосыгаемо близко. И пусть теперь он не с ними, пусть горечь отторжения разъедает душу, но и в стороне от Шествия, на тротуаре, в толпе восторженных дедушек и мам, Марк все равно ощущал себя единым с этим праздником юности, красоты и верности.

Вот они идут, гордые от своей силы, сплоченности, от любви к лучшей в мире стране. Цеховые подмастерья, кадеты, аграрии, студработники – будущее Фатерландии. Потомки русских, немцев, французов, итальянцев. А теперь граждане новой евроазиатской расы.

– Он с ними! – убеждал себя Марк. – Волей судьбы ему не дано этой великой чести. Но он будет изо всех сил ста-

раться заслужить звание Почетного арийца. Стать как дед!

Он знал, что это не только его мечта. Рядом с ним стояли Лялик-Локшин, Енот-Энтин, Рогач-Рожицкий. А из колонны ему махали друзья: Пятак-Волоцкий, Петрик-Черняев, Котян-Мурнев, Юбочник-Нигматулин... Вон их сколько! Самые близкие, самые верные. Четвертьевреи, полурусские, полутатары... Четвертьарийцы.

Марк подпрыгивал от возбуждения, узнавая в Шествии знакомые лица. И был, как громом поражен, когда из переулка вырвалась небольшая, но крикливая стайка оголтелых недобитков. Отщепенцев. Таких же внешне, как он и его друзья, но совершенно больных на голову.

Они орали что-то непотребное. Вроде: « Не трогайте время!»... «Доживем до будущего сами!»... «Все люди равны!»... И совсем уж непотребное «Все права евреям!»... Эти же дикие лозунги были на плакатах, которыми они размахивали. «Разрешить браки между евреями!»... «Прекратить ползучий геноцид!»... «Вернуть наших женщин с Мадагаскара!»... И самое страшное: «Долой Мудрейших!»...

И Марк понимал, почему десятки Верных кинулись разгонять эту шантрапу. Почему замелькали свернутые плакаты, застучали по головам и спинам незваной шелупони. Он и сам рвался в эту бучу, наплевав на все запреты. Вместе с Ляликом и Енотом разгонял бы британских наймитов. Яростно лупил их, как Толян-Соколов, как Котяра-Мурнев.

Но его помощь не понадобилась, потому что на проспект

уже вышли шеренги Национальных Чекистов. И они орудовали не плакатами, а дубинками.

Полилась кровь. Катались по земле побитые недобитки.

– Так им и надо! – не успел подумать Марк, потому что в кучке разгоняемых негодяев вдруг мелькнуло знакомое лицо. Вот так-так! Сразу два дюжих чекиста наседали на Дину.

– Рапунцель! – крикнул Марк.

Раздумывать было некогда. Марк сорвался с места, вклинился в

бушующую кучу-малу, ухватил девушку за руку и потащил ее на тротуар, за угол и дальше вглубь переулка. Дина бешено вырывалась, вопила что-то несусветное. Потом вдруг разом умолкла. Видно, узнала похитителя.

– Граф Толстой! – почему-то радостно воскликнула она. – И ты с нами!

– Сейчас! – возмутился Марк. – Я что, чокнутый!

– А зачем же полез в драку?

– Некоторых знакомых выручать...

– Некоторые и сами за себя постоять могут! – обиделась Дина.

– Постоять?.. Нам не стоять, а бежать надо! Пока чекисты не достали!

Марк снова схватил Дину за руку. Но она больше не вырывалась, а молча позволила уводить ее дальше от проспекта, где все еще раздавались проклятия и угрозы.

Но уйти далеко им не пришлось. Метров через сто бег-

лецы наткнулись на автобус Национальных Чекистов. Их тут же за белы ручки и препроводили туда. А потом добавили к ним несколько десятков драчунов с обеих сторон.

– О! – удивились и обрадовались друзья-лицеисты. – Седой! Ты-то как сюда попал?

– Котяра! – обиделся Марк. – Сколько раз тебе, долдону, твердить, что я не Седой, а Блюм!

– Тогда и я не Котяра! – возмутился было Мурнев. Но тут Лялик-Локшин углядел на заднем сиденье сестру.

– Динка-зараза! – что есть мочи заорал он. – Ты опять!..

– Молчи, патриотик! – не осталась в долгу сестра. – За умного сойдешь!

Марку стало даже обидно за Лялика. Локшин был самым продвинутым в группе. Ему светила золотая медаль. Математик ставил ему пятерки даже за вопросы, которые Лялик задавал. И вот тебе...

Но пообижаться всласть ему не пришлось. Автобус остановился. Задержанных доставили в Суд Справедливости.

Суд был скорым и действительно справедливым. Участников Шествия Верности награждали сразу пятью баллами и отпускали по домам. А вот на Марке дело застопорилось.

– Студработник Блюм! – загремел судья. – Как вас угораздило!

– Ваша честь! Девушку же били... – оправдывался Марк.

– Какую такую девушку?

Судья взгляделся в экран телефункена.

– Ага! Дина Локшина! Активная сторонница Непослушания!..

Но тут дежурный чекист что-то зашептал судье на ухо. У того вытянулось лицо.

– Студработница Локшина! – вызвал он. – Кто ваши родители?

– Мама умерла... А отец...

– Кириллов? – с замиранием в голосе то ли спросил, то ли подтвердил судья.

Дина только головой кивнула. А судья огласил приговор Марку:

– Минус пять баллов и укоризна лицу! И серьезное предупреждение сыну достойного отца и внуку Почетного арийца!

Марк торопился к выходу из Суда, чувствуя себя незаслуженно обиженным и в то же время приятно свободным

– Легко отделался! – понимал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.